

УДК 327

Останин В.А.

доктор экономических наук, профессор кафедры
Экономической теории и мировой экономики, профессор
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»
Владивостокский филиал
(Россия, г. Владивосток)

**ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ПОЯС-ПУТЬ»
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ
О ВЕЛИКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ**

***Аннотация:** практическое воплощение глобального проекта «Пояс – Путь» можно характеризовать как грандиозный замысел, призванный для преобразования Евразийского континента, а также сопряженным с путем стран и территорий. Проект следует рассматривать как инструмент, посредством которого Китай может практически реализовывать «Великую китайскую мечту возрождения Китая». Китай этим проектом выходит вовне, он объективно нуждается в остальном мире, одновременно и остальной сопряженный с проектом мир нуждается в китайских инвестициях.*

***Ключевые слова:** Глобальный проект «Пояс – Путь», Китай, китайская мечта, общество единой судьбы, нация, национальная идея, возрождение китайской нации.*

Введение. Анализ выступлений руководителя компартии Китая Си Цзиньпина, а также руководителей второго уровня Китая позволяет сделать вывод о том, что главной внешнеполитической инициативой становится создание Экономического пояса Шёлкового пути, который начинается с города Сиань провинции Шэньси. «Пояс-Путь» предполагает выстраивание прямого сухопутного коридора из Китая, далее через Среднюю Азию, Турцию, Иран, что позволяет организовать выход на рынки Европы. Тем самым Китай купирует угрозы товаропотоков через Южно-Китайское море, которое сейчас является практически основной товарной артерией. [1, с. 13]

Несмотря на некоторые разночтения в понимании великой китайской мечты, суть её, скорее всего, можно свести к возрождению китайской нации. Данная идея «Великого единства» неявным образом получала своё выражения еще со времен существования неустойчивых государственных образований, которые еще не отождествляли себя со «Срединным государством», но получают некоторое оформление как «Великое единство» в период династии Западная Чжоу, которую после сменила династия Цинь.

По свидетельству китайского историка Ли Лина актуальной проблемой было обеспечить единство принципов пяти основных наций современного Китая с тем принципами единства той эпохи, которые были выдвинуты первым императором династии Цинь Ши-хуанди, положивший конец двухсотлетней эпохи «Воюющих царств». Однако эти государственные образования имели различающиеся языки, различную иероглифику и их объединение в империю Цинь было осуществлено насильственно.

Связь времен в понимании идеи мечты о «Великом единстве» обнаруживается в трудах Сунь Ят-сена, который реинкарнировал прежние принципы эпохи Цинь Ши-хуанди, не привнеся принципиально нового в сами принципы единства. [1, с. 27] Однако возникает вопрос к пониманию объединения отдельных царств, а именно, насколько это насильственное объединение претендует на возникшее государственное образование династии Цинь как китайскую нацию, принципы объединения которой реинкарнировал Сунь Ят-сен?

Под нацией в научных исследованиях, часто понимают сообщество людей, в котором люди имеют общие происхождение, отличаются общими традициями, культурой, языком, имеющих институты власти, экономические интересы, политическую власть. Эти признаки уже свидетельствуют о том, что как таковой китайской нации в эпоху создания «Срединного государства» не существовало, если опираться на выше описанный концепт понятия. Сменившая империю Цинь империя Хань не отличалась признаком единого народа, Даже имевшую письменность ханьцы не всегда понимали друг друга. В настоящее время ханьцы являются господствующей этнической группой китайцев. Но ханьцы, которые дали имя династии Хань, тем не менее не есть однородное единство китайского этноса. Люди, которые проживали в

империи Хань, стали ассоциироваться уже с китайцами. (Здесь уместно привести слова исследователя Л. Гумилёва, который несколько в вольной форме заявил, что назвать жителя Китая китайцем, равносильно тому, что мы определим человека, проживающего в Европе, как европейца. Но европейец не есть народность, не есть нация. Это означает не более, что он проживает на территории Европы). Некоторую аналогию можно провести как к китайцу, так и ханьцу. Это не говорит о том, к какому народу, этносу относится житель. Как свидетельствуют некоторые источники, сами ханьцы объединяют в себе около восьми народностей, которые не всегда понимают друг друга, говорят на разных диалектах, имеют различающиеся культурные традиции.

В настоящее время в Китае проживает более 1,4 млрд человек, из них абсолютное большинство идентифицирует себя как ханьцы. Однако, как было заявлено выше, ханьцы не есть единая нация, если под нацией понимать, как сообщество, имеющее один язык, общую культуру, единое государство, единую территорию. Следовательно, великое возрождение китайской нации может предполагать, что этнический признак в понимании и практики реализации процесса великого возрождения Китая отходит на вторые, третьи роли.

Возрождение китайской нации, несёт в себе и такой признак, как объединение, притяжение в «центральному государству» внешних народов, их добровольное инкорпорирование в тело «единого Китая». Этот принцип объединения Китая видный историк Ли Лин противопоставляет модели объединения народов, за счет их поглощения, порабощения. Так, Китай терпел неудачу от попыток управления Китаем из Шанхайского региона. Ли Лин полагал, что Конфуций не стремился построить институт государства, опираясь на нравственные принципы и гуманизм в отношениях. Конфуций стремился к возрождению Китая первой династии Чжоу.

Эту мысль была подчеркнута в выступлении Си Цзиньпина 29 ноября 2012 году «Великое возрождение китайской нации – величайшая мечта китайской нации с начала нового времени». [2, с. 48-49] Атрибутивными признаками мечты китайской нации становятся понимание вековых чаяний целых поколений китайцев, отражающих совокупные интересы всей китайской нации и всего китайского народа, и это является общим стремлением всех сынов и дочерей китайской нации. Это неразрывная связь

судеб каждого человека со судьбой всей страны и нации, когда понятие хорошей жизни имеет место тогда, когда все в стране и у нации станет хорошо. В конечном счете китайская мечта обретает конкретные индикаторы своего воплощения также в привязке к конкретным периодам времени. «У каждого человека свои идеалы и устремления, у каждого и своя мечта о будущем. Сейчас, когда все вокруг говорят о китайской мечте, мне думается, что для китайского народа его величайшей мечтой с Нового времени является осуществление великого возрождения китайской нации». [2, с. 48] Это полное построение среднезажиточного общества к столетнему юбилею Коммунистической партии Китая и создание богатого и могущественного, демократического и цивилизационного социалистического государства к столетнему юбилею образования КНР. О придании национальной значимости этому национальному движению свидетельствует то, что 29 ноября Китай официально отмечает этот день Китайской мечты.

Данная постановка глобальной цели китайского правительства вынуждает обратиться к самой идее – что есть нация с китайской спецификой? Обращение к историческим исследованиям относительно формирования наций позволяет констатировать, что прежде объединения базировались на насилии. «Единство всегда создаётся насильственно...», писал Эрнест Ренан. [3] Относительно этого тезиса мы можем отметить, что эти процессы в подобной форме протекали в прошлом, даже если они и облекались в формы «добровольных» присоединений Австрии к Германии, Латвии, Эстонии, Литвы, Западной Украины, Западной Белоруссии к СССР. Аннексия (Anschluss -- нем., ad nectere -- лат.) как признак присоединения, опираясь на насилие, может стать исторически преходящим, что и показала последующая история распада единого прежде СССР. Таким образом присоединение не становится признаком, обладающим качествами необходимости и достаточности для становления единой нации. Каждая нация должна иметь право реализовать свою суверенность, т.е. право на самоопределение. Насилие при объединении без подкрепления права на самоопределение присоединенной нации не формирует единую нацию. При этом мы ранее отмечали, что признак народности здесь не становится ни необходимым, ни достаточным.

Полагаем одновременно, что такие понятия, как «аннексия» являются политически нагруженными историческими концепциями, дискуссии о предмете которых пока не видно конца. Однако следует именно в этом вопросе быть последовательным. В этом отношении вполне уместно по аналогии применить древнее латинское выражение, если нет единства в понимании и применении в дискуссии термина «аннексия», то нет и самой науки, а данном случае политологии как науки.

Так наиболее известное и применяемое понятие «нация» как сообщества людей, объединенных устойчивой общностью языка, территории, экономики, психологического склада, культуры, не обладает не только признаками необходимости, но и достаточности. Во времена наполеоновского нашествия некоторые дворяне вообще не говорили на русском языке, что вызывало удивление и недопонимание у простых крестьян. Но никто же не будет настаивать, что эти дворянские семьи не относились к русской нации. Определение нации как определенной исторической общности людей, скорее есть бессодержательное понятие. Тем более вряд ли уместно определять нацию как некоторое складывание людей в нации. [4, с.296]

Цитируя Б.Бауэра, И.В. Сталин, как нам представляется, не уделил достаточно внимания определению, согласно которому «Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы». [Цит. по: 4, с. 299]

Однако, какой смысл вкладывается в понятие «общность характера на почве общности судьбы»? Как нам представляется, судить о нации на основе общности характера, значит войти в сферу психологического уклада. Это направление можно признать тупиковым, а саму основу за достаточное основание, чтобы говорить, что сообщества, объединенные общностью судьбы, можно дифференцировать по признаку, который делается ключевым в понимании нации как таковой. Общность судьбы поглощает второстепенное, различия в диалектах, степени усвоения единого языка, экономических укладов разных народностей, проживающих на территориях. Именно общность судьбы есть доминирующий признак, в соответствии с которым каждый человек принимает для себя решение – к какой народности, народу, нации себя относить, с какой нацией себя идентифицировать. Следовательно, нация есть

принадлежность и отнесение каждым человеком к общности по признаку единой судьбы сообщества.

Объединение путем насилия позволяет создать государство, которое будет пронизано непримиримыми противоречиями, разрешаемые этим за насилием. У этого государственного образования не будет осознание и понимание общности судьбы, понимание себя не как инородного элемента в этой общности, «как винтика великого государственного механизма» (И.В. Сталин), а как основного субъекта этого института. Само происхождение уже становится недостаточным признаком для гражданина сообщества. Как пишет по этому поводу Ренан Э., «Во Франции нет и десяти фамилий, которые могли бы доставить доказательства своего французского происхождения, да и то эти доказательства были бы недостаточны благодаря тысяче неизвестных скрещений, которые могут разбить все системы генеалогов». [3, с. 93]

Следовательно, если взять за основу такой признак как язык, территория проживания титульной нации, различия культур, психологических складов людей, то мы не можем говорить о содержательности понятия «китайская нация». Только общность сообщества, понимание себя и отнесение себя к этому сообществу может стать необходимым и достаточным признаком китайской нации, которая в речах руководителей КПК и Китая может быть отнесена к нации, стремящейся к «великому возрождению». Следовательно, исследователи сделают серьезную ошибку, если при определении нации будут отталкиваться от признаков расы, либо народности. Хотя, действительно, как мы отмечали выше, прежде этот признак был доминирующим. «Мы признаем, что в Древнем племени и городе раса имела первостепенное значение. Древние племена и город были только расширением семьи. В Спарте, Афинах все граждане были родственниками в более или менее близкой степени. То же было у израильского народа и то же встречается ещё и теперь у арабских племен». [3, с. 95-96]

Китаец – это не национальность, не раса. В соответствии с китайской статистикой в Китае проживает 56 национальностей, из которых 98 % относят себя к ханьцам, как титульной народности, к государствообразующему народу. Под этим именем объединены граждане, которые разговаривают на официальном языке путунхуа, а также на диалектах цунь, онг-бе, тибетском диалекте. Это и народ хуэй, который похож на

ханьцев и частично произошел от них, это народность бай, проживающая на Юго-Западе Китая, народность и (йи) из района Тибета, проживающая в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В настоящее время в Китае насчитывается 299 языков, из них 298 живых и один язык исчезнувших (чжурчжэньский). Современные китайцы есть результат многовекового плавильного языкового, национального котла, в котором был исторически сформирован единой сплав китайской нации. *(Здесь следует сделать некоторое уточнение. Только в русском языке можно говорить о китайской нации, китайском народе, китайском этносе. Тех, кого в русском языке называют китайцами, есть собственно понятие не национальное, что было отмечено в начале статьи. В Китае, собственно, китайцев нет, есть ханьцы и других народы, а представители титульной народности ханьцев называют себя Чжунгожэнами, или Чжунго, в переводе граждане «Срединного царства». Но за рубежом все народы, проживающие в Китае и прибывшие в другие государства, называют китайцами, подобно тому, как прибывших из России называют россиянами, хотя это могут быть русские, армяне, украинцы, татары и т.д.).* «...Территория, как и раса, не создаёт нации. Земля доставляет субстрат, поле для борьбы и труда; человек доставляет душу. ... Нация – это духовный принцип, результат усложнений истории, духовная семья, а не группа, определяемая формой поверхности». [3, с. 101]

Какой смысл вкладывается в духовный принцип? Нации, как и отдельные индивидуумы есть продукт сложных, противоречивых исторических процессов, результат жертв и самоотречений. Самый существенный и законный – это культ предков, ибо предки сделали нас таким, какими мы являемся сейчас в настоящем времени. «Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная), -- вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем — вот главные условия для того, чтобы быть народом. Любят пропорционально жертвам, на которые согласились, пропорционально бедам, которые пришлось перенести. Любят тот дом, который строили и теперь переносят. Спартанская песня: «Мы то, чем вы были; мы будем тем, чем вы являетесь теперь», — это по своей простоте

лучший гимн всякого отечества». [3, с. 102] Наконец, нация – это великая солидарность, устанавливаемая чувством жертв. Нация предполагает прошедшее, резюмируется в настоящем строить общую жизнь, а в данной статье относительно предмета исследования – воплощать великую мечту о возрождении китайской нации.

Речь Си Цзиньпина о великом возрождении китайской нации направлена на людей, которые обладают здравым смыслом, что и создаёт базы для формирования такого морального состояния, которое уже вслед за Э. Ренаном следует характеризовать как китайскую нацию.

Остается проблема для практики воплощения величественных замыслов руководства компартии Китая по практической реализации проекта великого возрождения китайской нации. Формирование морального состояния всего китайского общества опирается на материальные возможности этого проекта. По сути этот проект следует рассматривать как глобальный инвестиционный проект Китая. Китай с его почти полутора миллиардным населением столкнулся с объективными противоречиями наличия собственных материальных ресурсов и потенциальными потребностями для достижения поставленных стратегических целей.

Разрешением этого противоречия стала политика Китая «идти вовне». Однако это может быть реализовано исключительно распространением Китаем своей инвестиционной активности на остальной мир. Китай вынужден проводить политику гармонизации своих экономических отношений с остальным миром, который, в первую очередь, лежит на территориях, через которые проходит Экономический пояс Великого шёлково пути. Опираясь на традиционные ценности китайского народа, в частности, обосновывая свою политику пониманием мира как «сообщества единой судьбы», «гармонии – как наивысшей ценности», «единства между небом и человеком», Китай продвигает свой мегапроект Экономического пояса Шёлкового пути. [5; 6; 7; 8]

Если А.Дж. Тойнби полагает, что объединение мира есть способ избежать коллективного самоубийства человечества, то специфика Китая нам видится к том, что Китай не только преследует эту цель, но он реализует политику экономической экспансии, расширения своего влияния на территориях, сопряженных с Экономическим поясом. В соответствии с концепцией А.Дж. Тойнби все известные цивилизации,

включая и недоразвившиеся и окаменевшие, являются ветвями «единого древа истории». Человечество в своем историческом движении обнаруживает тенденцию к единству. При этом каждая цивилизация есть не более как частица этой глобальной общности. Следовательно, согласно этой концепции, всемирно-историческое развитие предстает как движение человечества от локальных единств (локальных цивилизаций) к конечной всеобщности – единой всечеловеческой цивилизации. [9]

По сути своей Си Цзиньпин в своих программных выступлениях в некоторой степени повторил А.Дж. Тойнби, одновременно прирастив в своих выводах конкретной китайской спецификой.

В этом отношении следует согласиться с аргументацией вывода о том, что возрождение строительства «Шелкового пути» есть практическая попытка построения такой модели глобального идеального мирового сообщества. Экономический пояс «Шёлкового пути» призван не столько способствовать торговле, но и оказывать социально-экономическое влияние на развитие стран, сопряженных с этим глобальным проектом. [5, с. 59]

Китай уже не довольствуется результатами обмена ресурсами в мировой торговле. Возможности Китая таковы, что, реализуя глобальный проект Экономического пояса «Шёлкового пути», Китай трансформируется из актора в субъект процесса перераспределения материальных и интеллектуальных ресурсов в глобальном масштабе. Проблема, которая стоит перед политиками сопряженных с Экономическим поясом «Шёлкового пути», сводится к риску, а именно, осуществляя экономическую экспансию своих национальных интересов будет ли одновременно осуществляться экспансия интересов других стран на Китай?

Настораживающим фактом для политиков стало одно из положений, выдвинутых Си Цзиньпином во время всего выступления на саммите БРИКС в 2017 году в Сямене, что и было заявлено в Сямэньской декларации. Китай однозначно претендовал на роль не равного среди равных, а первого среди равных. Было заявлено, что Китай обладает всеми возможностями, чтобы наравне с другими странами участвовать в глобальном управлении и способствовать решению реальных проблем глобального и регионального характера. Но в свете заявленного нами прежде роли экономической мощи [10] Китая

результат этого совместного управления, даже на рыночных основаниях, будет определяться решениями в пользу Китая, как наиболее экономически мощного игрока.

Си Цзиньпин неоднократно декларировал тезис о том, что Китай не стремится к экспансии, тем не менее фактически мы можем наблюдать обратные процессы. Китай этими действиями на внешнеполитическом рынке стремится реализовать свои стратегические цели, ради приближения к «Великой китайской мечте». Значительные объемы импортируемых энергоресурсов связывают Китай со странами, которые прежде не входили в перечень традиционных поставщиков. Тем самым Китай диверсифицирует портфель поставщиков углеводородов. Поставка нефти и газа трубопроводным транспортом обходится Китаю существенно дешевле по сравнению с морским, снижая при этом риски морской блокады. Наконец, Китай реализует стратегию «тихой экспансии», привязывая страны в качестве своих сырьевых приделов, а в перспективе и к цифровому юаню. [13]

Китайское руководство всегда считало проблему обеспечения энергетической безопасности в качестве наиважнейшей в своей внутренней и внешней политике, однозначно выделяя не только экономическую, но и социальную, политическую составляющие. В этом отношении принималось во внимание то обстоятельство, что проблема энергетической безопасности объективно перерастала в экономическую, социальную и политическую безопасность других стран мирового сообщества, приобретая тем самым уже глобальное измерение. Без продукции Китая, этой «всемирной фабрики», другие страны теряют темпы своего развития, обнаруживая внешнюю зависимость от темпов роста, развития Китая. Мир приобрел новое качество, он стал глобальным, целостным, и в этом мире Китай приобрел стратегическое значение. [11]

Если применить великий императив И. Канта, что эта проблема будет сведена к следующему положению. Будет ли Китай в процессе экономической экспансии рассматривать другие сопряженные с Экономическим поясом «Шёлкового пути» исключительно как средство достижения своих национальных интересов, либо он будет их рассматривать как средство и цель одновременно.

Предвидя понимание рисков и угроз сопряженных стран, Китай в масштабе глобальной инициативы предложил пути купирования рисков и угроз. К ним были отнесены меры по наполнению китайской спецификой механизма глобального управления форматом взаимосвязей на основе совместного обсуждения, совместного создания, совместного использования ресурсов. Делается упор в заявлениях политиков, что инициатива «Один пояс – Один путь» следует рассматривать как общее благо, которое органично вписывается в концепцию «сообщества единой судьбы человечества». Китай рассматривает, что «Экономический пояс Шёлкового пути и морской Шёлковый путь 21 века» -- это путь взаимной выгоды и совместного выигрыша, который будет соответствовать строительству инфраструктуры различных стран...». [2, с.428]

Однако настороженность некоторых стран имела некоторые основания для угроз национальному и экономическому суверенитету. В любом случае обмен товарами, услугами находится под воздействием влияния не столько рыночной справедливости, сколько определением пропорций обмена фактором экономической мощи. [10]

Данная проблема формулирования более корректных выводов наталкивается на то обстоятельство, что заверения и постулаты политиков могут расходиться с реально осуществляемой политикой. Так, осуществление «китайской мечты» многими исследователями воспринималось как частичный отказ от национальных традиций. Рост благосостояния китайского народа, что является одной из составляющей процесса достижения «китайской мечты», осуществлялся на основе вестернизации, отчасти предполагало отказ от национальных традиций. Да и сам марксизм имеет западное по своим корням происхождение. Это дает основание для того, что обнаруживается противоречие между реально реализуемой политикой и декларируемыми традиционными ценностями.

Разрешение этой коллизии китайский исследователь Чжао Тинян видит в следовании концепции «методологического Китая». [8] Смысл этой концепции в том, что судить о политике следует скорее по тому, как действует страна, какую реально политику осуществляет руководство страны, и только потом в оценке состояния опираться на ценности, которые провозглашаются и закрепляются в идеологии.

Реализация данной стратегии проецируется на общие тенденции мирового развития. Дело в том, что любые инновации со временем утрачивают свою эксклюзивность, достижения науки и техники копируются и осваиваются конкурентами. Но то, что всегда будет составлять проблему на практике – это ограниченность ресурсной базы. Конкуренция за ресурсы может стать уже не только бессмысленной, но пагубной для сохранения цивилизации. В конечном счете автор делает вывод о необходимости перехода от преследования «национальной мечты» к построению системы стабильного существования и мира. [8, с. 21]

Полагаем, что здесь автор уходит в крайность, которая может иметь только негативные последствия для Китая. Национальные ценности, к которым мы относим и национальную мечту, имеют гораздо большее значение, чтобы быть поставленной под сомнение. Более того, следование национальной мечте о великом возрождении Китая не может противоречить построению системы стабильного сосуществования и мира.

В тоже время следует согласиться с Чжан Тянном в выводах о том, что ограниченность ресурсов создает огромные проблемы для Китая. Однако разрешение этого объективного противоречия следует видеть в политике, провозглашенной Дэн Сяопином «идти вовне» и получившей своё воплощение в реализации глобального проекта «Пояс – Путь». Также следует подчеркнуть основные идеи концепции глобального проекта, суть которые отчетливо выражена в самом названии -- «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века». [14]

Выводы. Практическое воплощение глобального проекта «Пояс – Путь» можно охарактеризовать как грандиозный замысел, призванный преобразовать Евразийского континента, а также сопряженных с путем стран и территорий. Этот проект одновременно следует рассматривать как инструмент, посредством которого Китай может практически реализовывать «Великую китайскую мечту возрождения Китая». Китай этим проектом выходит вовне, он объективно нуждается в остальном мире, одновременно и остальной, сопряженный с проектом мир, нуждается в китайских инвестициях.

Политика Китая, лишенная оппортунистических мотивов при реализации проекта относительно сопряжённых стран, втянутых в проект, может стать благом для остального мира. Выгода Китая от проекта не должна одновременно трансформироваться в убытки, нарушение экономического суверенитета других стран. Китайское руководство осознаёт, что эгоцентризм при реализации проекта может породить риски и неопределённости, отторжение самой идеи проекта в сопряженных с ним странах.

Концепция «Пояса – Пути» не реализуется единой интеграционной хозяйственной структурой, не международными, ни региональными организациями. Концепцию следует понимать, как инициативу взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития. [12]

Экономическое пространство в идеале должно, по замыслу руководителей Китая, стать пространством развития, гармонии, сопряженности интересов всех участников проекта. Тем самым Китай, может, не вызывая отторжения и неприятия идеи проекта, добиться главной стратегической программной цели – реализовать «Великую китайскую мечту возрождения китайской нации»!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Вавилов Н. Некоронованные короли красного Китая. – М.: Концептуал. 2019. – 200с.

Си Цзиньпин. О государственном управлении. Изд-во литературы на иностранных языках. Пекин, КНР. 492с.

Ренан, Эрнест. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11.03.1992 года. http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_chno_takoe_natzia.shtml. (дата обращения: 09.05.2020).

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. / Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. 1946. С. 290-367. http://grachev62.narod.ru/stalin/t2/t2_48.htm (дата обращения: 09.05.2020).

Бояркина А.В., Печерица В.Ф., Мефодьева С.А. Традиционная культура Китая в концепции «сообщества единой судьбы для человечества» // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. № 8. С. 56-64.

Бояркина А.В., Печерица В.Ф. ТРАДИЦИОННЫЕ ИДЕИ ПОДНЕБЕСНОЙ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С КОНЦЕПЦИЕЙ СИ ЦЗИНЬПИНА «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

[Электронный ресурс] // Трансграничная экономика: [сайт]. [2019]. URL: <http://www.crossboreconomy.ru/5.html> (дата обращения: 09.04.2019).

Цуй Цзявэнь. Концепция сообщества единой судьбы человечества в контексте культурно-цивилизационной идентичности Китая // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4(60). С.87-91.

Чжао Тинян. Современный взгляд на китайскую мечту // Международные процессы. Том 13. № 2. С.21-34

Тойнби А.Дж. Постигание истории: монография / А.Дж. Тойнби. – Москва : Директ-Медиа, 2007. – 1876 с.

Останин В.А. Собственность: противоречия присвоения. (Проблемы теории и методологии). Монография / В.А. Останин; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. – 2-е изд., доп. – Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2014. 274с.

Останин В.А. Глобальный проект «Пояс – Путь» в традициях великой китайской мечты // Российско-китайские исследования. 2020. Т. 4. № 2.

Ли Хуэй. Развивать дух Шелкового пути и объединять усилия для его совместного строительства, чтобы вывести китайско-российские отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства на новый уровень / Доклад Посла КНР в РФ Ли Хуэя в Московском государственном университете путей сообщения (2015/02/14) [Электронный ресурс] / URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/aa11/t1237889.htm> (дата обращения: 11.05.2020)

Цифровой юань заменит доллар. Что известно о криптовалюте Китая. [Электронный ресурс] / URL: <https://naukatehnika.com/cifrovoy-yuan.html> (дата обращения: 15.05.2020)

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века [Электронный ресурс] / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prekrasnye-perspektivy-i-prakticheskie-deystviya-po-sovmestnomu-sozdaniyu-ekonomicheskogo-poyasa-shyolkovogo-puti-i-morskogo> (дата обращения: 15.05.2020)

Ostanin V. A.

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory and World Economy,

Professor

«Russian Customs Academy», Vladivostok branch

(Russia)

**GLOBAL PROJECT "BELT-WAY" AS A TOOL
FOR THE IMPLEMENTATION OF THE CHINESE DREAM
OF THE GREAT REVIVAL OF THE CHINESE NATION**

***Abstract:** The practical implementation of the global project "Belt-Way" can be described as a grandiose plan designed to transform the Eurasian continent, as well as associated with the path of countries and territories. The project should be seen as a tool through which China can practically realize the "Great Chinese dream of rebirth of China." China is going outside this project, it objectively needs the rest of the world, at the same time the rest of the world associated with the project needs Chinese investments.*

***Keywords:** Global project "Belt - Way", China, Chinese dream, a society of one destiny, nation, national idea, revival of the Chinese nation.*